

СИМВОЛИКА ОБРАЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

М. В. ИВШИНА,

*доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
(г. Ижевск, РФ)*

«Литература и фольклор», «фольклор и литература» – стыковая сфера филологической науки. В современной удмуртской литературе многие аспекты и формы взаимосвязи этих систем меняются, обретают новые культурно-исторические значения. Отдельных исследований, посвященных изучению различных аспектов взаимодействия и взаимовлияния удмуртской литературы и фольклора, не проводилось. Стремление писателей к смысловой реорганизации фольклорных источников, желание «подвергнуть творческому переосмыслению обобщения, заключенные в фольклорных представлениях народа, использовать символику, условные образы, метафоры» [2, 177] и др., актуализируют проблему изучения «символа», или символической образности, в художественном опыте конкретного автора. Предметом нашего внимания стал литературный материал, связанный с художественной символикой в пьесах удмуртских писателей Е. Загребина (1937) «Кики нош силе но силе...» («А кукушка все кукует и кукует...», 1998) и Г. Романовой (1950) «Шунды-Мумы» («Мать-Солнце», 2003).

«Перестроечные» и «постперестроечные» годы для удмуртской драматургии были временем динамичного развития документальных жанров, от-

личительными особенностями которых стали одновременная опора на реальное историческое событие и фольклорные источники, тяга к открытой публицистичности и использование жанрообразующих приемов фольклора. Одним из действенных способов придания в такого плана пьесах фактическому материалу многозначительности и архетипичности является обращение к условной символике.

В удмуртской народной культуре, впрочем, как и в фольклоре других народов, образ кукушки имеет разные значения, но особенно широко бытует поверье, связывающее кукование птицы с плохим предвестием.

В пьесе «А кукушка все кукует и кукует...» Е. Загребин создал оригинальную и во многом спорную версию судьбы репрессированного удмуртского поэта Кузубая Герда. В основу пьесы положен конфликт возвышенно-романтического поэта со своей средой, которая его не поняла и не приняла. Негативное отношение народной массы к неординарной личности Кузубая Герда в пьесе Е. Загребина объясняется нравами, царящими в глухой патриархальной деревне, в настоя-

© Ившина М. В., 2013

щей «тюрьме народов», затянутой «властью тьмы».

Символика образа кукушки, обозначенная уже в названии произведения, дает драматургу возможность выйти на уровень широких обобщений и художественно притягательно воспроизвести надбытовой (надбиографический) пласт повествования. Голос птицы, неоднократно звучащий в пьесе, то является знаком-предупреждением приближающейся беды, то оттеняет полное одиночество поэта.

В «Русском мифологическом словаре» В. Шуклина отмечается, что в «кукушке видели вестницу печали, а в фольклоре она стала символом горюющей женщины» [5, 179]. Туркский исследователь Г. Хусаинова утверждает, что в традиционной культуре башкирского народа «кукушка не всегда бала предвестником беды, от нее ждали и хорошие вести» [3, 168], ее «считали священной птицей и запрещали убивать» [3, 167].

Г. Романова в своих эстетических поисках во многом исходит из поэтики условного. Мать-Солнце олицетворяет некую извечную субстанцию, языческое начало, дающее народу жизненную энергию и силу и одновременно сообщающее пьесе сообразную живописность.

В удмуртской народной культуре, впрочем, как и в фольклоре других народов, образ кукушки имеет разные значения, но особенно широко бытует поверье, связывающее кукование птицы с плохим предвестием. Например, прилет кукушки в деревню, ее кукование на крыше дома знаменует смерть, тяжелую болезнь или пожар. Плохой приметой считается, если человек услышит кукование кукушки прежде, чем пение соловья или другой перелетной птицы. Кукушка также является вестницей с «того света».

«Перестроечные» и «постперестроечные» годы для удмуртской драматургии были временем динамичного развития документальных жанров, отличительными особенностями которых стали одновременная опора на реальное историческое событие и фольклорные источники, тяга к открытой публицистичности и использование жанрообразующих приемов фольклора.

Удмуртское слово «силе» («кукует») имеет несколько значений: плакать, горевать, причитать, жаловаться. Возможно, семантика этого образа несет и положительный заряд, но в пьесе Е. Загребина «задействован» негативный смысл символа, реализуемый, кстати, далеко не однозначно.

Обыгрываемый в пьесе мотив «кукующей птицы» и предсказывает, и связывает в единое целое трагическую судьбу и финал жизни великого поэта. Во многих эпизодах пьесы фигура Кузебая Герда воспроизведена в обобщенно-поэтическом ключе. Драматург очень умело раскрывает черты характера мятущегося поэта, отражающиеся в поведении героя – в его отношении к окружающим людям, своему творчеству, природе, к политике, в его внутренних монологах. Кукушка в этом контексте, бесспорно, символизирует глубокое одиночество героя, появившегося на горизонте удмуртской литературы неожиданным «огненным метеором» (В. Владыкин).

Художественное пространство пьесы вовлечено в крупные исторические события, связанные с разломом всей российской жизни. Сама обстановка, в которой показан поэт, проникнута трагизмом. На широком фоне исторического излома автор сумел показать индивидуальность поэта, одержимого идеей просветительства и подвижничества, придающей ему, с одной стороны, черты необыкновенности,

а с другой – подчеркнутой устремленности в будущее, т. е. ввысь, словно птица.

О предназначении и фатуме поэта, о том, что яркие и необыкновенные люди быстро стареют, неся свое предназначение, говорит в пьесе другая символика. Это диск солнца, который призван символизировать светлое будущее народа, его счастливую жизнь. Декорация с изображением солнца занимает почти всю сцену и к ней как бы постоянно направлены речь, жесты, движения поэта. В конце спектакля диск солнца оказывается... колесницей для распятия. Мечта поэта оказалась утопией, «круг превращается в место казни» [4].

Символика и условность помогают авторам вычленить субъективированную картину мира из привычных представлений о жизни и заставить читателя и зрителя пристальнее в нее взглянуться, соотнести мироощущения древнего человека с философскими раздумьями современника.

Большое значение в пьесе отводится песне. Она звучит, помогая героям и в радости, и в горе. В этой связи особенно значимы размышления о Павла (Флоренского Павла Александровича), которому в тексте пьесы доверены следующие слова: «Поющий народ, мой друг-удмурт, никогда не исчезнет, он будет жить веками».

Синтез правдоподобно-реалистического повествования с вымышленным позволил драматургу объединить документальное с условным, создать произведение оригинальное, обладающее новыми жанровыми возможностями.

Среди произведений современных удмуртских авторов, построенных на фольклорно-мифологической образности, особое место занимает пьеса Г. Романовой «Мать-Солнце», обращенная к осмыслению жизни удмуртского народа

в XIII в., во времена монголо-татарских нашествий.

Враги уничтожили удмуртское святилище, увели людей в рабство, но не смогли отобрать вечное светило народа – Шунды-Мумы, которое давало ему жизненные силы, оберегало от всех бед и несчастий. Хан Балбек забрал у удмуртов двух новорожденных детей и надумал вырастить из них тех, кто добудет ему небесную хранилищу народа.

Г. Романова в своих эстетических поисках во многом исходит из поэтики условного. Мать-Солнце олицетворяет некую извечную субстанцию, языческое начало, дающее народу жизненную энергию и силу и одновременно сообщающее пьесе сообразную живописность. У зрителя появляются «ассоциации с Душой мира, и всерождающим Женским началом, и с духом самого Солнца, языческого подателя жизни, – с чем-то сколь могущественным и вечным, столь и не-овеществленным, незримым» [1].

Символика и условность помогают авторам вычленить субъективированную картину мира из привычных представлений о жизни и заставить читателя и зрителя пристальнее в нее взглянуться, соотнести мироощущения древнего человека с философскими раздумьями современника.

Поступила 18.10.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вардугина, А. А. «Мать Солнца» – свет сквозь тьму веков // Удм. правда. – 2003. – 4 нояб.
2. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская проза и фольклор : особенности взаимодействия, национальная специфика // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – 2008. – № 8. – С. 176–185.
3. Хусаинова, Г. Б. Птица в фольклоре тюркских народов // Ватандаш. – Соотечественник. – 2005. – № 1. – С. 167–169.
4. Шкляев, А. Г. Зависть или страх? // Удм. правда. – 2000. – 15 янв.
5. Шуклин, В. В. Русский мифологический словарь / В. В. Шуклин. – Екатеринбург : Урал. кн. изд-во, 2001. – 378 с.